

въ порокахъ и развратѣ. Достигшее ужасныхъ размѣровъ нравственное паденіе языческаго міра ясно доказывало, что даже самая лучшая философія безсильна нравственно возродить человѣчество. Разсудокъ человѣческій прекрасно знаетъ, гдѣ добро, а гдѣ зло, и даже умѣетъ восхвалять первое и порицать послѣднее; но у человѣка нѣтъ силъ, вслѣдствіе испорченности его природы, осуществить свое знаніе въ жизни, и онъ, представленный своимъ собственнымъ силамъ, поступаетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ, что говоритъ ему его разсудокъ, его философія. „Не понимаю, чтò дѣлаю,—говоритъ Ап. Павелъ (Рим. 7, 15. 18—19),—потому что не тò дѣлаю, чтò хочу, а чтò ненавижу, тò дѣлаю... Желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, того не нахожу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю“. Для того, чтобы жить такъ нравственно, какъ говоритъ нашъ умъ, просвѣщенный даже знаніемъ истины, философіи, очевидно, недостаточно; для этого необходимо еще то, что даетъ религія,—благодать Божія, сила Божія. Еслибы мы даже и допустили,—чего допустить однако-же нельзя,—что для нѣкоторыхъ людей, именно для философовъ, философія можетъ замѣнить религію, что эти люди будтобы могутъ удовлетвориться религіею, чуждою всего сверхъестественнаго, чуждою даже ученія о бытіи Божіемъ: то чтò нужно сказать о всѣхъ тѣхъ людяхъ, для которыхъ чуждою останется навсегда сама философія? Неужели для нихъ ненужно пониманіе жизни? Неужели жизнь ихъ должна пріостановиться въ своемъ движеніи до тѣхъ поръ, пока они станутъ способными къ усвоенію философскихъ ученій всякаго рода? Но, какъ свидѣтельствуютъ и опытъ, и исторія, для самыхъ философовъ матеріалистическаго направленія философія не могла замѣнить религіи. *Локк* и его послѣдователи—матеріалисты: *D. Hartley* и *I. Priestley*,—не могли ограничиться одною философіею; они признавали религію такую же необходимою областію въ жизни человѣческой, какъ и философія. Вольтеръ, на котораго часто ссылается Толстой, никогда не допускалъ мысли о томъ, что философія можетъ когда либо замѣнить религію; напротивъ онъ приписывалъ религіи весьма важное значеніе въ жизни человѣчества; ему принадлежитъ исто-